

Көлшімек - азырақ суы бар, көлді ояң жер (Б/с Қаз.).

Ыза - сызды, дымқыл жер. **Ызаның** нақ жиегіне келіп, атының ерін сыпыра бастады (Б/с Қаз.).

Азан - таңертеңгі уақыт. Біз қалаға **азанда** жүріп кетеміз. Қарақалпақ тілінде де бұл сөз осы мағынада жұмсалады (Арыс, О/к Қаз.).

Майдан, бір майдан - біраз уақыт, біршама мезгіл. **Бір майдан** біздің ауылға да келіп кетсең не қылады. Қарақалпақ тілінде де осылай айтылады.

Жалақ - сортаң жер. Шыңғыстауда **жалақ** жерлер аз. Бұл сөз қырғыз тілінде де бар.

Қамбоз - күннің ыстық болуы. Бүгін күн **қамбоз** екен, өзіміз де, ат та шаршап қалдық.

Ұмпақ - майда құм. Алтын **ұмпақты** аралдар да болады. Бұл сөз ұнтақ сөзімен төркіндес (Б/с Қаз.).

Сонымен, Қазақстанның әр жерінен лексикалық ерекшеліктерге байланысты жиналған экспедиция материалдары табиғат құбылыстарына байланысты сөздерді саралап жазуға көп көмегін тигізді. Әрине, жоғарыда келтірілген

мысалдар 60жылдардың жемісі екені белгілі, бірақ сонымен қатар олардың ішінде 91ж және 2005ж қайтта зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жаңадан қосылған атаулар да жеткілікті. Демек, халықтың тіліндегі жергілікті сөздерді жинақтауда табиғат құбылыстарына байланысты атаулардың тұлғалық және мағыналық жағынан қолдану аясы өзгеше екеніне жазбаша жұмыс барысында көз жеткіздік.

1. Болатов Ж. //Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы: ҚазССР Ғылым академиясы, 1960

2. Досқараев Ж. //Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы: ҚазССР Ғылым академиясы, 1960

3. Омарбеков С. Маңғыстау қазақтарының тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер// Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. Алматы: ҚазССР Ғылым академиясы, 1962

4. Сарыбаев Ш.// Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері. 4-шығуы. Алматы: ҚазССР Ғылым академиясы, 1962

5. Тасымов А. Қазақ диалектологиясы: оқу құралы. Алматы: Қазақ университеті, 2005

6. Қалиев Ғ., Сарыбаев Ш. Қазақ диалектологиясы. Алматы: Ана тілі, 1991

Р. О. Туксаитова

БИКУЛЬТУРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Художественный билингвизм можно представить как диалог культур в особой форме. М.М. Бахтин, говоря о взаимодействии *своей и чужой* культур, обосновывал ценности общения и единения. Он подчеркивал мысль о взаимном обогащении культур при сохранении ими своеобразия: культуры не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются [1]. Применительно к художественному билингвизму мы наблюдаем взаимодействие двух культур, не связанное с подавлением одного языка другим. Автор-билингв, обращаясь к русскому языку как к форме создания художественного произведения, в образной форме представляет динамическую оппозицию *свое – чужое*, демонстрируя возможность притяжения *чужого* и трансформации его в *свое*.

В билингвистическом художественном тексте русский язык опирается на казахскую культуру,

а казахская культура как система материальных и духовных ценностей народа воплощается в русскоязычном тексте. Текст как знаковая система ориентирован как на билингвов, так и на монолингвов и требует от инокультурного читателя погружения в другую культуру. Билингвистический текст отражает взаимодействие культур. Определенным кругом читателей подобный текст будет воспринят как содержащий элементы незнакомой культуры. Можно согласиться с утверждением о том, что все, что в «инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, что кажется ему странным и требующим интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально специфических элементов культуры» [2].

В языковом сознании фоновые знания закреплены с помощью различных единиц: слов, устойчивых словосочетаний, прецедентных высказываний. Н.В. Зайченко [3] предлагает

назвать совокупность «таких страноведчески значимых единиц фоново-семантическим блоком (ФСБ)]. Известна значительная роль пословиц как единиц, наделенных национально-культурным компонентом семантики и участвующих в создании культурно-фонового потенциала художественного текста. Несомненна культурологическая значимость пословиц как прецедентных единиц, наделенных национально-культурным компонентом семантики и способствующих созданию национального колорита билингвистического художественного текста. Использование пословичного фонда создает эффект узнавания в случае, если есть сходные пословицы в обоих языках; создается эффект удивления или эвристический эффект, когда происходит встреча с незнакомым, иным. Для писателя-билингва пословичный фонд – средство трансляции народного менталитета, он старается подобрать такие пословицы, которые могут иметь общий когнитивный фундамент, позволят читателю найти точки культурного соприкосновения и в то же время удивить, открыть новый взгляд на мир. Проиллюстрируем данный тезис некоторыми примерами. В казахском и русском языках есть пословицы, имеющие общую когнитивную базу, формирующую сходное восприятие стоящего за пословицей смысла. В казахском языке бытуют пословицы: *Дерево крепко корнями, человек – друзьями; Друга хвалить, что себя похвалить*. Близкий смысл передается и в русских пословицах: *С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь; Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года*. Пословицы казахского народа *Имя мастера его творения выдают; Умелая дорога – счастью дорога* характеризуют отношение народа к мастеру и его труду. Отношение к ремеслу человека, его труду наблюдается в русской пословице *Без труда нет плода* и др.

Уклад жизни, особенности культуры, быта определяют наличие специфических пословиц, отражающих мировосприятие определенного этноса. В пословице *Арба кривая портит колею, мулла плохой – всю братию свою* выражено отношение народа к представителю религиозного культа, обязанного соблюдать религиозные обряды. В пословице *Чем конь, которого обрел, унижившись до кражи, не лучше ли хромой осел, что ты трудами нажил* актуализируется национально-специфический смысл, связанный с отношением казахов к воровству, в частности, угону лошадей. Пословица *В родной долине лучше прахом быть, чем на чужбине падишахом быть* выражает отношение человека к родной

земле, к отечеству. Отличаясь стабильностью лексического состава, структуры и семантики, пословицы, как и фразеологические единицы, не создаются в речи, а извлекаются в готовом виде. При восприятии билингвистического художественного текста инокультурным читателем автоматизм восприятия пословиц и фразеологизмов другого языка нарушается. Эффект новизны соединяется с приятием или неприятием концептуального смысла, отражающего другой образ предмета, явления мира, фрагмента мира. В диалоге сознаний образуется база для формирования кооперации (*другое* сходно с *нашим*) или же конфликта (*другое, иное* противоречит *нашему*). Таким образом, культурно-фоновые знания вовлекаются в межкультурный диалог и регулируют меру его толерантности.

Главным средством передачи фоновой информации является слово как лингвоспецифическая единица национальной лексики. Слово, функционируя внутри определенной этнокультурной общности людей, может быть вовсе непереводаемым на другие языки или не иметь адекватного перевода. Такие безэквивалентные слова и значения можно определить как собственно фоновые. Речь идет по сути дела о культурном фоне, закрепленном за тем или иным словом. По мнению исследователей [4], русскую культуру можно понять через ключевые слова русского языка.

Можно классифицировать национально-специфические лексические единицы, передающие фоновую информацию, которая отражает мировосприятие казахского народа. Уточним понятие «национальная лексика». Термин «национальная лексика» по сути своей этнолингвистичен [5]. Это термин исследователя билингвизма, рассуждающего с позиции одного из двух (в нашем случае – русского) языков. Но в билингвистическом тексте может быть использована и лексика иноязычная, анализу которой посвящены многочисленные труды.

Для казахского русскоязычного писателя, отображающего жизнь и быт своего народа, использование национальной лексики связано с обозначением культурно-специфических реалий. При этом сложность «художественного текста» состоит в том, что помимо реального читателя – современника или потомка той или иной социальной, национальной и т.п. среды – в структуру художественного текста входит еще образ читателя (внутренний читатель). Он, как и образ автора, является порождением реального автора» [6]. По отношению к билингвистическому тексту следует разграничить по крайней мере

три позиции читателя: русского читателя-монолингва, казахского читателя-монолингва и читателя-билингва. Для русского читателя-монолингва национальная лексика (казахизмы) функционирует как лингвоспецифическая (в абсолютном или относительном вариантах). При чтении билингвистического текста возникает оппозиция *свой – чужой*. Читатель-монолингв чувствует *чужое*, когда погружается в инокультурную фоновую среду. Снять напряжение, нейтрализовать или обострить культурный конфликт – конкретно ситуативная задача писателя-билингва, стремящегося установить диалог культур.

Учитывая теорию фоновых значений и национальной специфики семантики, можно представить формы проявления фоновой информации в лексике билингвистического текста. Если лексику текста спроецировать на особо значимые участки картины мира: («Человек и его мир», «Природа»), можно с уверенностью сказать, что в речевой структуре русскоязычного билингвистического текста имеются единицы, передающие национально значимую фоновую информацию. Представленный иллюстративный ниже материал носит демонстрационный характер. Извлекается данный материал из произведений писателей-билингвов А. Алимжанова и С. Санбаева.

Фоновая информация основана на национальных пресуппозициях, оживающих в образной канве текста. При этом средством передачи картинной национально маркированной образности может выступать собственно русское слово *степь*. Так, А. Алимжанов и С. Санбаев активно употребляют слово *степь*, которое приобретает целый ряд семантических приращений, способствующих созданию национального по содержанию образа. Специфика проявляется прежде всего в выборе оснований для контактных метафор, находящихся в ближайшем контекстном окружении слова. Слово *степь* включается в высказывания, включающие казахизмы: *Мудрый визирь вновь склонился к хану: - Если в степи появится новый Тентек-тере, то вашей мудростью можно направить его силу против Жангир-хана* (Алимжанов. Стрела Махамбета: 403). В данном контексте создается метафорический образ родины, родной земли, которой грозит опасность. *А два беркута, хозяева степей Жидели, проснувшись рано, не увидели аула, - опустевшие дома стояли, как мазары. И слышался лишь далекий, тревожный, многоголосый человеческий плач, переходивший в печальный гул, подобный песне каменного леса*

(Алимжанов. Стрела Махамбета: 526). Беркуты олицетворяют хозяев степей, наблюдающих за жизнью людей аула. Образная параллель *беркуты – хозяева*, используемая в данном контексте, позволяет создать образ опустошения и вымирания: опустевший аул кажется могилой, местом захоронения – мазаром. Акустический образ человеческого плача усиливает впечатление мертвой степной пустоты. Культурно-фондовая информация, на основе которой возникает ассоциативный образ казахской земли, наслаивается на слово *степь*. Тропы, входящие в контекстное окружение данного слова, охватывают участки картины мира «Человек и его мир», «Природа». В отдельных случаях фоновая информация имеет сценарный характер. Например, с именем Тентека-тере, который должен появиться в степи (т.е. в Казахии), связано изменение жизни в степи.

Степь как открытое пространство немыслима без своего важнейшего спутника – дороги. Ведь все дороги Казахии ведут в степь. В текстах А. Алимжанова и С. Санбаева можно выделить ряд семантических переключек, образующих определенные эмпирические смыслы. Слово *дорога* явится связующим звеном в образовании семантической переключки *степь – дорога-тропа*: *Дорога вела к старым горам, за которыми простираются Ирғизские степи, а там не пройдет и дня, как они найдут – в этом они были уверены – прямую тропу в стан батыра Тайлака* (Алимжанов. Гонец 294); *А улицы уходят в степь. Там незнакомый мир: холмы, дорога, кони и еще многое, что они знали по рассказам отца* (Санбаев. Времена года нашей жизни: 250). В данных контекстах наблюдается сращение общенациональных и казахских семантических переключек. Следующую ступень образует сочетание смыслов «*степь – дорога – караван*»: *От одного каравана беженцев к другому шла молва о батырах, где-то в степях Сарыарки собиравших ополчение* (Алимжанов. Гонец: 198); *Черная слава завтра же обойдет степи от края до края. Уйдет с караванами в чужие края, по-другому заговорят о беркутчи Асане с Меловых гор* (Санбаев. Коп-ажал: 175). Ряд устойчивых смыслов *степь – дорога – караван*, без сомнения, характеризует определенный уклад жизни, отражает специфику быта кочевого народа. Образное видение степи, сближаясь с русским, не утрачивает национальной самобытности. Общая ценностная установка, присутствующая при восприятии степи, служит мостиком между двумя взглядами на один ценностный объект. Актуализация казахских куль-

турных коннотаций позволяет читателю взглянуть на степь другими глазами. Так действует механизм толерантности.

Писатель во всех случаях предполагает у читательской аудитории способность воспринимать не только свою, но и инокультурную информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении. В билингвистическом тексте напряжение возникает на участках воспроизведения особенностей *другой* культуры. Снять напряжение писатель-билингв пытается с помощью приемов направленной интерпретации культурно значимой информации, выступающей как значимая категория в ряду других категорий текста.

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

2. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

3. Зайченко Н.В. Художественная литература и формирование лингвострановедческой компетенции // Проблемы

изучения художественной литературы в контексте советской культуры: Межд. науч.-метод. конф. Тезисы докладов. Л., 1989. – С. 81–83.

4. Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001.

6. Джанджакова Е.В. Стилистика художественного прозаического текста (структурно-семантический аспект). М., 1990.

Бұл мақалада мәтіннің сөйлеу мәдениеті сұхбаты мәселелеріндегі билингвистикалық шегі айтылған. Қазақ жазушылары А.Әлімжанов пен С.Санбаевтың шығармаларындағы екі ел халықтары, қазақ және орыс халықтарының, мәдени сөйлеу толеранттық сұхбатының құрылым механизмінің шығуы мен мәдени концептітері талданған.

The problems of intercultural dialogue in the borders of bilingual texts are considered in this article.

Cultural conceptions are analytical on the selected works of Kazakh novelist as A. Alimzhanov and S. Sanbaev, which reflected the features of two people – Kazakh and Russian, created the mechanisms of forming intercultural tolerant dialogue.

А. О. Тымболова

ДРАМАЛЫҚ МӘТІНДЕРДІҢ ІШКІ ЖӘНЕ СЫРТҚЫ КОММУНИКАТИВТІК ЖҮЙЕСІ

Жалпы прагмалингвистикалық теориялардың негізінде тілдік коммуникацияның адамға бағытталған қызметі жатады.

Диалогтық сөйлеуді прагмалингвистикалық тұрғыдан талдаудағы алғашқы зерттеулер Дж. Остин мен Дж. Серляның лингвистикалық философиялық тұжырымдарының аясында ХХ ғасырдың 50-60 жылдары жүзеге аса бастады.

Сыртқы коммуникациялық жүйеде драматург пен оқырманның арасындағы өзара әрекет дистантты түрде жүзеге асады, яғни тілдік қатынас алдымен персонаждар арасында орнап, солар арқылы көрерменге жетеді. Оны былайша көрсетуге болады:

автор > персонаж <> персонаж > оқырман

Көріп отырғанымыздай, автор мен оқырман бір-бірімен алшақ түрде әрекеттеседі. Драматург қарым-қатынасты бір мезгілде екі деңгейде, автор мен оқырман (сыртқы коммуникациялық жүйе) және персонаждар арасында (ішкі коммуникациялық жүйе) іске асырады. Сондай-ақ, драматург авторлық интенциясын көрсету үшін де осындағы бірінші деңгейге жүгінеді. Бұл ретте

көрермен коммуникативтік жағдаяттың куәгері болып отырғанмен, драматургтің интеракциясына араласа алмайды.

Сонымен, коммуникативтік қызметтің негізгі бірлігі коммуникативтік әрекет арқылы алға қойған мақсатқа жету құралы болуды көздейді. Яғни, иллокутивтік – мағынаны, перлокутивтік – локуцияның тиімділігін қамтиды.

Дж. Остин ұсынған иллокуциялық сөйлеу актісінің шектелуі – сөйлеу актілеріндегі перлокуцияға қарама-қарсы (ой мен сезімге, әрекетке) әсер ету эффектісі арқылы нәтижеге жетуде тілдік әрекеттің коммуникативтік қызметін көрсетеді дейді [1, 108 б.].

И.М. Кобозева сөйлеу актілерінің теориясын нақты тіл теориясы ретінде жоғары бағалап, «нақты, түсінікті бағыттардың бірі» деп есептейді [2, 73 б.].

Біріншіден, сөйлеу актілерінің теориясын зерттеу нысаны шектеулі. Екіншіден, мұнда қарым-қатынастың динамикалық табиғаты ескерілмейді. Үшіншіден, субъектінің әлеуметтік ерекшеліктері есепке алынбайды. Яғни, сөйлеу-